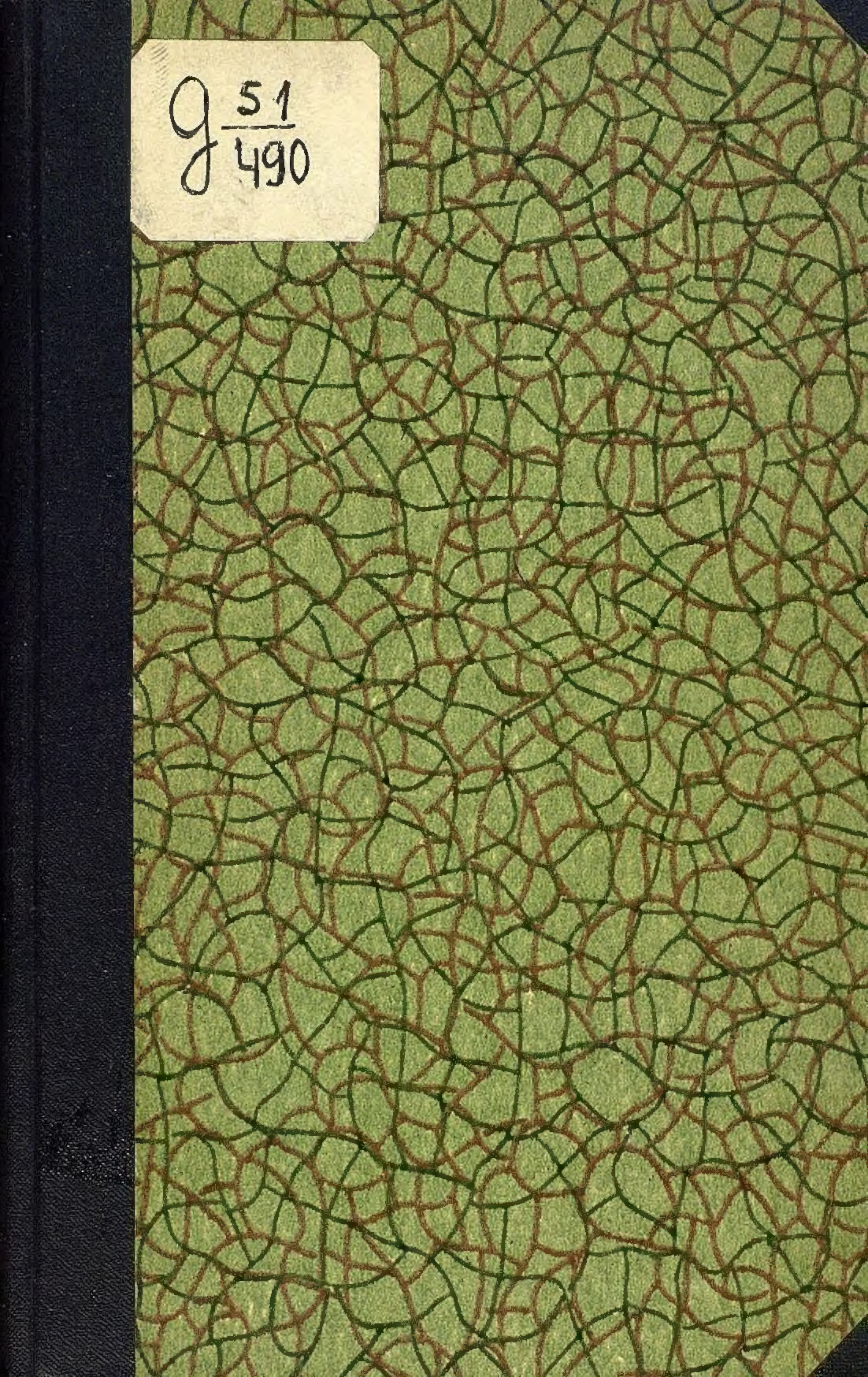


у отца

Іоанна Кронштадтскаго.

Н. Н. Животова.

МОСКВА.
Типографія Высоч. утв. Т-ва И. Д. Сытина. Валовая ул., свой д.
1894.

2007081236

ПЬЯНИЦЫ

У ОТЦА

ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

Н. Н. Животова.

МОСКВА.
Типографія Высоч. утв. Т-ва И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
1895.

От С. Петербургскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 30 сентября 1894 года.

Цензоръ архимандритъ *Василій.*

Пьяницы у отца Іоанна кронштадтскаго.

— Батюшка! я всегда, а въ настоящее время особенно настойчиво ратую противъ пьянства и спаивающихъ народъ заведеній. Но находятся люди, которые негодуютъ на это, говорятъ, что я пристрастенъ, что я преувеличиваю, что пьянство...

Глаза пастыря засверкали, онъ взялъ меня за руку и вдохновенно произнесъ:

— Пишите, дорогой мой, пишите! Больше, больше пишите! Никого не слушайте, ни на кого не смотрите! Я благословляю васъ на это! Вы получите заслугу отъ Господа, чѣмъ больше будете писать! Нѣтъ *зла* столь великаго и гибельнаго, нѣтъ *врага* сильнѣйшаго, какъ народное пьянство. Хорошо дѣлаетъ вашъ редакторъ, что возсталъ противъ этого врага Церкви, нравственности, семьи и народа отъ мала до велика. Ахъ, знаете ли, я видѣлъ добраго хорошаго семьянина, который спился и съ ножомъ бросался на жену, чуть не зарѣзалъ ея, а жена такая кроткая, добрая. Только вино, одно вино превратило этого семьянина въ звѣря! И сколько подобныхъ примѣровъ! Пьянство не только есть непотребство, оно рождаетъ массу другихъ пороковъ и преступленій; оно развращаетъ цѣлыя деревни, села, города!

Въ такихъ выраженіяхъ выяснилъ свой взглядъ на пьянство досточтимый пастырь.

Но разскажу по порядку о своемъ посѣщеніи Кронштадта теперь, когда возвратился отецъ Іоаннъ изъ далекаго двухмѣсячнаго путешествія. Я отправился въ Кронштадтъ въ пятницу 28 іюля... Еще на вокзалѣ

Балтійской дороги, а затѣмъ на пароходѣ только и слышно было радостное: «Вернулся!»

Въ этомъ «вернулся!» сказано все... Толпы больныхъ, бѣдныхъ, убогихъ, удрученныхъ, пришибленныхъ горемъ, нуждой передаютъ это восклицаніе изъ устъ въ уста, и оно вызываетъ свѣтлый проблескъ на ихъ мрачныхъ лицахъ.

Вернулся тотъ, на кого одного у нихъ у всѣхъ надежда, который, по ихъ глубокой вѣрѣ, одинъ только можетъ помочь ихъ горю, облегчить страданія, улучшить положеніе. Почему *онъ,* а не кто другой? И почему именно *онъ?*

Потому что для всѣхъ онъ *свой* ближній, добрый, отзывчивый и связанный съ ними любовью! Никому, кромѣ его, нѣтъ до нихъ до всѣхъ дѣла! Никто даже выслушать не хочетъ ихъ горя, несчастья, отчаянія. Это скучно, неинтересно и безцѣльно. А отецъ Іоаннъ *имъ* принадлежитъ, онъ любитъ ихъ какъ родной отецъ, внимательно выслушиваетъ, хочетъ знать всѣ подробности и спѣшитъ помочь молитвой, совѣтомъ, деньгами, всѣмъ, чѣмъ можетъ, отъ всей души.

Цѣлыхъ два мѣсяца его не было. Два мѣсяца тысячи несчастныхъ считали себя сирыми и безпомощными. Батюшка обѣщалъ проѣздить только шесть недѣль, а проѣздилъ ровно два мѣсяца. Вездѣ его задерживали, упрашивали побыть лишній денекъ, и онъ уступалъ, а время шло.

— Скажите, батюшка,—спросилъ я:—какое впечатлѣніе вынесли вы изъ своей далекой поѣздки?

— Трудно вамъ это сказать въ нѣсколькихъ словахъ. Впечатлѣніе такое, что русскій народъ силенъ единеніемъ, которое покоится на вѣрѣ православной. И сила эта великая! Я, скромный служитель алтаря, по волѣ Божіей сдѣлался выразителемъ этого еди-

нения. Весь народъ, населеніе цѣлыхъ городовъ, селъ встрѣчало меня какъ одинъ человѣкъ. И встрѣчало съ любовью, какъ родного, точно стараго знакомаго, хотя я посѣтилъ нѣкоторыя мѣста въ первый разъ. Особенно трогательно было, что даже дѣти выбѣгали встрѣчать меня цѣлыми гурьбами; бѣжали въ перегонку съ радостными личиками, точно своего близкаго встрѣчали. Чувствовался какой-то религіозный подъемъ, и это—явленіе радостное, хорошее.

— Батюшка, вѣдь нѣтъ уголка въ Россіи, гдѣ бы ваше имя не было извѣстно и популярно. Народъ чувствуетъ вашу отеческую любовь, и она-то объединяетъ ихъ.

— Да, я люблю всѣхъ какъ одного и молюсь за всѣхъ воедино.

Утромъ вчера, послѣ утренней литургіи въ «Домѣ Трудолюбія», отецъ Іоаннъ посѣщалъ ожидавшихъ его въ странопріимныхъ домахъ. Сколько вылилось здѣсь слезъ и горя! И какія разнообразныя нужды и заботы! Очень многіе домогались свиданія съ батюшкой, чтобы просить денежной помощи. На моихъ глазахъ от. Іоаннъ рѳздалъ по 3—5 руб. (иногда и болѣе) не менѣе 100 — 150 рублей. Очевидно, нужды «прикопились» за время отсутствія батюшки. И просили такъ убѣдительно! У одного умираетъ близкій человѣкъ, другой потерялъ мѣсто, третій самъ боленъ и т. д.

Съ послѣднимъ пароходомъ от. Іоаннъ выѣхалъ въ Петербургъ. И здѣсь особая каюта батюшки осаждалась толпой, и повторилась та же исторія: половина просила благословенія, а другіе—пособій. И опять батюшка раздавалъ кредитки.

Посмотримъ, сколько приходится почтенному кронштадтскому пастырю оказывать помощи жертвамъ пьянства, и какую упорную борьбу ведетъ от. Іоаннъ

съ пьянствомъ вообще. Во время моего пребыванія въ Кронштадтѣ мнѣ удалось, какъ лично отъ чтимаго пастыря, такъ и отъ окружающихъ его близкихъ людей получить много интереснаго матеріала и нѣсколько за душу хватающихъ разсказовъ, которыми я и подѣлюсь съ читателями.

У отца Іоанна въ Кронштадтѣ постоянно бываетъ не менѣе 300—400 *гостей*, пріѣзжающихъ спеціально къ нему съ своими нуждами и горестями изъ разныхъ концовъ Россіи, не исключая далекой Сибири, Кавказа и др. окраинъ. Особенно много москвичей, харьковцевъ и, разумѣется, петербуржцевъ. Въ число гостей не входятъ сотни, чтобы не сказать тысячи, нищихъ и бѣдняковъ, ожидающихъ на всѣхъ углахъ и перекресткахъ «дорогого батюшку», чтобы попросить у него подаянія.

«Гости», наводняющіе Кронштадтъ, принадлежатъ къ числу людей болѣе или менѣе состоятельныхъ и занимаютъ номера въ страннопріимныхъ домахъ («Дома Трудолюбія», бывшій Быкова и до тридцати частныхъ квартиръ). Здѣсь они ждутъ посѣщенія отца Іоанна, просятъ отдѣльнаго молебна и аудіенціи. Въ частныхъ «квартирахъ для богомольцевъ» гости охотно уплачиваютъ разные поборы, лишь бы добиться свиданія, ради котораго они ѣхали издали и отъ котораго для нихъ зависитъ чуть не вся будущность...

Кто же эти гости?

Изъ десяти — девять удрученныхъ какимъ-нибудь недугомъ, а десятый — пріѣхавшій съ выраженіемъ благодарности за молитвенную помощь или просто съ выраженіемъ чувства уваженія и почитанія. Я присматривался больше къ первымъ. Что у нихъ за горе? Я не ошибусь, если скажу, что добрая половина—жертвы пьянства, т. е. жертвы въ видѣ разоренія, болѣзни,

страданій, или же жертвы прикосновенности къ близкому пьяницѣ, напр., жены и дѣти пьянствующихъ, родители кутящихъ сыновей и т. п. На всѣхъ этихъ несчастныхъ можно наблюдать, какъ велики и разнообразны послѣдствія пьянства! Ребенокъ-идіотъ оказывается у отца, пившаго запоемъ; дитя хронически больное, оказывается, было зашиблено въ пьяномъ видѣ нянькой; юноша-пьяница оказывается сыномъ пропойца-отца, жестоко бившаго дѣтей во «хмелю»... Чахоточная мать—жертва пьяныхъ оргій мужа; разслабленный «25-лѣтній» старецъ — герой безшабашныхъ кутежей; «нищій-милліонеръ» — самый частый типъ мота и кутилы, спустившій наслѣдство на ликеры, шампанское и спутницъ кутежей...

Боже, сколько такихъ жертвъ и какъ трогательно ихъ положеніе! Я постараюсь по возможности кратко разсказать исторію паденія нѣсколькихъ пьяницъ и затѣмъ постепенное ихъ возрожденіе къ новой жизни по молитвамъ, совѣтамъ и наставленіямъ кронштадтскаго пастыря. Эти исторіи не только поучительны и назидательны, но онѣ характеризуютъ современное положеніе нашей питейной торговли, которая зиждется на самыхъ безнравственныхъ началахъ и ведетъ тысячи людей къ вѣрной гибели.

— Вотъ посмотрите,—говоритъ одинъ изъ членовъ андреевскаго попечительства,—на этого оборванца въ лохмотьяхъ, съ испитымъ, изнуреннымъ, опухшимъ и болѣзненно-блѣднымъ лицомъ. Только 8 лѣтъ тому назадъ онъ былъ купцомъ 1-й гильдіи, имѣлъ дома, лошадей, роскошную квартиру. Можно этому повѣрить?

— Но что же съ нимъ приключилось?

— Ничего болѣе, какъ спился. Спился, благодаря той обстановкѣ, въ которую попалъ. Ничего не подѣлаешь.

— А теперь?

— Теперь онъ пришелъ къ отцу Іоанну. Батюшка принимаетъ въ немъ участіе, молится съ нимъ; повидимому, онъ теперь лучше себя чувствуетъ. Вотъ вторую недѣлю не пьетъ и пришелъ въ сознаніе. А то вѣдь что онъ выдѣлывалъ?!.

— Разскажите подробнѣе его прошлое и познакомьте меня съ нимъ.

— Съ удовольствіемъ.

Мы подошли къ оборванцу. Онъ испуганно взглянулъ на меня и сразу какъ-то съежился, ушелъ въ себя; видимо, онъ чувствовалъ себя очень неловко и конфузился.

— Развѣ вы меня знаете?—спросилъ онъ, потупившись.

— Нѣтъ, первый разъ вижу. А что?

— Я не хочу встрѣчаться съ тѣми, которые знали меня раньше, прежде, когда я...

— Иванъ Петровичъ Б—въ, — представилъ мнѣ оборванца мой собесѣдникъ.

— Какой тамъ «Иванъ Петровичъ», просто проходимецъ Б—въ,—прошепталъ онъ.

— Не вы первый и не вы послѣдній,—сказалъ ему членъ попечительства;—вы счастливѣе другихъ, которые не сошли съ своего ужаснаго пути. А вы теперь на дорогѣ къ святому будущему.

Б—въ горько улыбнулся.

Мы перешли въ отдѣльную комнату «Дома от. Іоанна» и приказали подать чаю.

— Разскажите намъ ваше прошлое,—обратился я къ Б—ву:—это назидательно выслушать тѣмъ, которые еще только-что вступили на вашъ путь.

— Хорошо... Тайны у меня нѣтъ. Слушайте.

Б—въ началъ:

— Я получилъ отъ отца домъ и тысячъ полтораста капитала. Кромѣ того, за женою мнѣ дали триста тысячъ. Кажется, состояніе крупное, и я могъ бы съ

такими средствами не только безбѣдно прожить свой вѣкъ, обезпечить семью, но и принести пользу отечеству, какъ гражданинъ, предприниматель, промышленникъ, производитель, капиталистъ... Вѣдь я человѣкъ образованный, былъ на службѣ.

Б—въ задумался. На лбу образовались крупныя складки, на глазахъ выступили слезы.

— Да будутъ прокляты всѣ эти ликеры, редереры и клико! О, о! Съ какою радостью согласился бы я теперь вытянуть всѣ жилы, отдать по каплямъ всю кровь, пожертвовать жизнью, лишь бы вернуть это прошлое, вернуть не столько деньги, сколько пропитую совѣсть, честь, нравственность, силы, бодрость тѣла и духа! Те-пе-рь! Почему теперь?! Потому что здѣсь въ Кронштадтѣ, въ этой укромной тихой обители кронштадтскаго пастыря, открылись мои духовныя очи.

Б—въ стиснулъ зубы, и на лицѣ его отразилась нестерпимая мука, та душевная боль, въ сравненіи съ которой страданія физическія кажутся пустяшными.

— Такъ вотъ я вамъ разскажу... Дононъ, Контанъ, Пивато и «Медвѣдь» свидѣтели того, что я платилъ по 3 руб. за штуку сигаръ и по $2^1/_2$ руб. за рюмочку стараго вина. Они же свидѣтели, что я отдавалъ, иногда подъ рядъ нѣсколько дней, по 400—600 руб. за обѣдъ или ужинъ «вдвоемъ». Но этого мало; я настолько награждалъ подъ пьяную руку своихъ спутницъ, что приходилось расплачиваться векселями, хотя въ карманѣ меньше 2—3 тысячъ никогда не держалъ. Одинъ ресторатор разскажетъ вамъ, какъ шесть дней подъ рядъ я не выходилъ изъ его аппартаментовъ, разумѣется, въ обществѣ милой компаніи. А три мои поѣздки за границу? Лучше не разсказывать подробности! Когда наличныя суммы изсякли и пришлось платить по векселямъ, я заложилъ домъ, но нисколько

не сократилъ расходовъ. Мнѣ казалось, что иначе нельзя жить! Ну, развѣ могъ я отказать Жозефинѣ въ коляскѣ или Маргаритѣ въ колье?! Или перестать посѣщать Донона и Пивато и ходить въ греческія кухмистерскія?! Все это невозможно, и я заложилъ домъ подъ вторую закладную, сталъ закладывать бумаги, брильянты. Такъ протянулъ около года, пока кредиторы разомъ нагрянули, продали квартиру, вещи, и мы перешли съ женой и съ дѣтьми въ меблированную комнату. Ни средствъ ни надежды впереди! Сразу я перешелъ на сивуху, сталъ пить запоемъ и со ступеньки на ступеньку дошелъ до ночлежнаго дома; жена ходитъ стирать поденно.

Б—въ зарыдалъ и откинулся на спинку стула.

— Боже, Боже, какъ гадко, пошло прожито, но еще гаже и пошлѣе моя кабацкая жизнь. Тутъ я окончательно все потерялъ, и если не сдѣлался воромъ и преступникомъ, то благодаря только вдругъ явившемуся внутреннему влеченію въ Кронштадтъ и какой-то неопредѣленной, смутной надеждѣ на что-то лучшее, на помощь и избавленіе по молитвѣ отца Іоанна.

— Что побудило васъ обратиться къ отцу Іоанну?—спросилъ я, когда онъ нѣсколько успокоился.

— Это былъ какой-то внутренній голосъ, настойчиво посылавшій меня въ Кронштадтъ. Какъ всегда, я жаждалъ водки и не могъ побороть жажды, пока не осушалъ косушки, такъ и этого голоса я не могъ заглушить, пока не пріѣхалъ въ Кронштадтъ и не увидѣлъ батюшки. И знаете, что я вовсе не надѣялся добиться свиданія съ отцомъ Іоанномъ, котораго окружаютъ тысячи народа. Но онъ самъ меня примѣтилъ въ толпѣ, велѣлъ пропустить и долго-долго бесѣдовалъ. Эта бесѣда и сейчасъ у меня отдается въ ушахъ, хранится въ сердцѣ. Слова батюшки: «Не отчаивайся:

пока ты еще живъ—все можно исправить; рѣшись только твердо стать на новый путь и загладить прошлое добрыми дѣлами»,—эти слова остановили меня на перилахъ Александровскаго моста, съ котораго я хотѣлъ броситься въ Неву, чтобы покончить свои ужасные расчеты съ жизнью. Я говорю «ужасные», потому что такъ по́шло, преступно, гнусно и зловредно прожечь жизнь, какъ я прожегъ, можетъ только ужасный негодяй.

— Не слишкомъ ли вы строго относитесь къ себѣ?

— Что вы, что вы! Да вѣдь имени нѣтъ моимъ поступкамъ! Изъ роскоши, богатства я довелъ жену съ тремя малолѣтними дѣтьми до рубища, нищеты, билъ ихъ, истязалъ, тащилъ въ кабакъ послѣднюю подушку изъ-подъ ребенка, оставляя малютку спать на голомъ полу. Моя жена—красавица; посмотрите, на кого она теперь похожа; несчастная женщина, недѣлями немытая, нечесаная, кажется, дошла до идіотизма. А вѣдь она играла не такъ давно роль въ обществѣ, была первая на балу, устраивала пріемы, имѣла салонъ.

— Во сколько лѣтъ вы прожили состояніе?

— Смѣшно сказать—въ шесть лѣтъ! Брильянты, золотые приборы, серебряные сервизы, драгоцѣнные камни,—все это наполняло нашу квартиру, убранную лучшими обойщиками и мебельщиками въ восточномъ вкусѣ; выигрышные билеты, процентныя бумаги наполняли ящики моихъ столовъ, какъ тюки. И въ шесть лѣтъ я сумѣлъ дойти до этого балахона и этихъ резиновыхъ опорокъ. Не вѣрится?

— Право, не вѣрится,—согласился я.—Что же васъ затянуло такъ въ кабакъ?..

— Ахъ, вѣдь это особый міръ, особая жизнь!.. Сейчасъ же у меня образовалась своя семья—собутыльниковъ, свои друзья и интересы... Я все забылъ,

кромѣ этой семьи, а семья забыла все, кромѣ полштофа. И мы жили одними полштофами, направивъ всѣ помыслы на добычу этихъ полштофовъ!.. Моя жена-страдалица, несчастныя дѣти, родственники, всѣ, всѣ сдѣлались моими врагами, которыхъ я готовъ былъ мучить, истязать... А единственный нашъ покровитель, нашъ общій «папаша», нашъ любимый другъ и покровитель былъ цѣловальникъ извѣстнаго кабака на Обводномъ каналѣ; за своего «папашу» мы готовы были въ огонь и въ воду! Если вамъ разсказать нашу жизнь, наши похожденія, у васъ волосы дыбомъ станутъ!.. Эхъ, не вспоминать лучше!..

Отецъ Іоаннъ замѣтилъ Б—ва въ толпѣ въ «Домѣ Трудолюбія» и самъ велѣлъ приблизиться. Трудно, почти невозможно, передать впечатлѣніе, которое произвелъ на него кронштадтскій пастырь, и тѣ чувства, которыя онъ испытывалъ въ эту знаменательную минуту. Еще при входѣ въ церковь «Дома Трудолюбія» онъ услышалъ звонкій отчетливый голосъ, читавшій часы. Этотъ голосъ проникъ въ самую душу и дѣйствовалъ какъ цѣлебный бальзамъ на рану. Каждое слово отзывалось въ мозгу, и мысленно Б—въ его повторялъ, чувствуя, что этотъ голосъ, эти слова производятъ внутренній переворотъ; точно воскъ около огня, таяли горести, злоба; мрачное настроеніе смѣнялось какимъ-то тихимъ радостнымъ состояніемъ; онъ постепенно забывалъ все настоящее и уносился куда-то далеко-далеко, въ хорошій, невѣдомый міръ. Не надо было спрашивать, *чей* это голосъ. Когда от. Іоаннъ окончилъ чтеніе часовъ, Б—въ прошелъ тихонько въ церковь и сталъ издали смотрѣть на алтарь, ища глазами чуднаго священника, котораго раньше онъ никогда не видалъ, хотя твердо былъ увѣренъ, что

узнаетъ сейчасъ же, какъ увидитъ его. Священниковъ въ алтарѣ было четыре. Б—въ не спускалъ глазъ съ Царскихъ вратъ. Молиться онъ не могъ. Вѣдь ровно двадцать-три года онъ не былъ въ храмѣ Божіемъ, и 23 года его уста не произносили молитвы! Б—въ никогда не былъ атеистомъ и еще меньше врагомъ религіи, а просто относился къ вѣрѣ совершенно равнодушно, и ему не приходилось думать о церкви, молитвѣ, Богѣ, Спасителѣ. Не шло все это въ голову, некогда было сосредоточиться, да и желанія не являлось задаваться религіозными вопросами. Жилъ какъ живутъ тысячи другихъ. Въ эту минуту въ душѣ у него дѣлалось что-то небывалое; онъ испытывалъ незнакомое влеченіе къ чему-то неземному; душа рвалась въ какое-то неопредѣленное пространство, гдѣ нѣтъ ничего тлѣннаго, житейскаго, обыденнаго; предъ глазами рисовались образа, которымъ учили насъ въ дѣтствѣ, но которые давно заволокло туманомъ: образъ распятаго Спасителя, кроткій ликъ Божіей Матери, легіонъ ангеловъ, поющихъ хвалебные гимны. О, какъ хорошо было въ ту минуту на душѣ! Онъ дрожалъ весь отъ избытка новыхъ сладостныхъ чувствъ и упалъ на колѣни, перенеся мысли на небо, къ престолу Царя царствующихъ, Господа господствующихъ. Началась литургія. Опять знакомый отчетливый голосъ. Но онъ не всталъ съ колѣнъ и не хотѣлъ отрывать мыслей отъ неба; никогда въ жизни, въ лучшіе годы своихъ кутежей, онъ не чувствовалъ себя такъ легко, радостно, хорошо... Онъ не смѣлъ обратиться къ Богу съ молитвой, считая себя недостойнымъ вступить въ бесѣду съ Отцомъ небеснымъ. Но и вернуться къ земному ни за что не хотѣлъ. Ему жаль было потерять это мысленное созерцаніе небесныхъ величій; онъ оставался нѣмымъ свидѣтелемъ

у подножія престола небеснаго. Кончилась литургія, народъ заволновался, всѣ двинулись къ св. причастію. Пришлось и ему встать. Тутъ онъ увидѣлъ священника съ чашей,—асмаго обыденнаго священника, худощаваго, небольшого роста, съ бородой и синими кроткими глазами. Могъ ли онъ сомнѣваться, что это былъ *онъ?!* Да, изъ тысячи священниковъ онъ узналъ бы его по этимъ глазамъ и этому выраженію лица!

Больше часу священникъ раздавалъ св. причастіе. Вдругъ трепетъ прошелъ у него по всему тѣлу, колѣни задрожали. Онъ почувствовалъ, что батюшка устремилъ на него взоры... Быстро онъ оглянулся... Священникъ ушелъ съ чашей въ алтарь, а съ св. крестомъ вышелъ другой священникъ... Скоро церковь начала пустѣть... Вышелъ и Б—въ изъ храма совершенно безотчетно, не зная, куда шелъ... Образъ священника и его взглядъ, устремленный на него, были такъ живы въ мозгу, точно наяву... «Иди въ Домъ Трудолюбія», говорилъ ему этотъ образъ... Куда? Какой «Домъ Трудолюбія»? Онъ остановился на улицѣ, сталъ смотрѣть кругомъ и увидѣлъ большую вывѣску: «Домъ отца Іоанна»... Народъ столпился тамъ... Побѣжалъ и Б—въ... Ихъ впустили въ общую залу, гдѣ было уже человѣкъ 200 богомольцевъ... Б—въ прижался въ самомъ заду около стѣнки... Прошло съ полчаса... Общее движеніе и волненіе головъ возвѣстило прибытіе отца Іоанна... Знакомый голосъ раздался за рѣшеткой, ограждающей иконы и приспособленія для водосвятія. Молебенъ длился не долго, но долго пришлось стоять почтенному пастырю съ св. крестомъ, пока всѣ прикладывались, а большинство, раньше чѣмъ приложиться, обращалось къ «дорогому батюшкѣ» съ мольбами, просьбами, даже цѣлыми исповѣдями. Кротко и покорно священникъ всѣхъ

выслушивалъ, любовно отвѣчалъ каждому и терпѣливо переходилъ отъ одного къ другому. Б—въ не рѣшился итти къ св. кресту. Ему казалось, что отецъ Іоаннъ прогонитъ, закричитъ, предастъ анаѳемѣ. Онъ все больше жался къ стѣнѣ, прятался за спины другихъ. И вдругъ опять тотъ же пристальный взглядъ, пронизывающій до глубины души. Опять онъ точно манитъ, зоветъ. На этотъ разъ ему не казалось. Онъ видѣлъ, что толпа раздвинулась, давая ему дорогу, а сосѣди схватили его за руки: «Что жъ ты не идешь, батюшка зоветъ тебя, иди скорѣй». Вся кровь бросилась ему въ голову; онъ точно горѣлъ, пересталъ видѣть, слышать и очнулся только тогда, когда почувствовалъ на своемъ плечѣ руку отца Іоанна и услышалъ его тихій голосъ:

— Ты вѣдь ко мнѣ пришелъ; хорошо сдѣлалъ; давай помолимся вмѣстѣ; ты очень несчастенъ, но пути Господа неисповѣдимы... Мы не знаемъ, какою дорогою Онъ ведетъ насъ къ Себѣ; но ты идешь къ Нему, и это великое счастье для тебя; не сойди только съ пути своего; Господь да укрѣпитъ тебя... Давно ли ты пересталъ пить?...

— Пересталъ пить?—переспросилъ онъ.—Но откуда же вы, батюшка, знаете, что я пилъ и пересталъ пить?

— Не трудно, сынъ мой, — отвѣтилъ батюшка,— узнать въ тебѣ несчастнаго пьяницу. Ты не злой человѣкъ, христіанинъ не умеръ въ тебѣ, но врагъ побѣдилъ тебя, забралъ въ руки и вотъ куда привелъ! Но могло хуже быть! Врагъ могъ погубить душу твою! Ты могъ умереть во грѣхѣ, безъ покаянія! Возблагодари Господа за милость Его и проси помощи Его въ борьбѣ съ врагомъ!

Отецъ Іоаннъ отвелъ его въ сторону къ св. иконамъ, и Б—въ опустился на колѣни. Первый разъ за 23 года Б—въ возвелъ очи къ небу, и губы его про-

шептали слова молитвы. О, что было у него за состояніе! Онъ трепеталъ отъ какого-то радостнаго волненія; на душѣ сдѣлалось такъ легко, какъ не бывало никогда; по лицу катились слезы; онъ примирился въ эту минуту со всѣми въ мірѣ, со всѣми врагами и недругами; ему хотѣлось всѣхъ ихъ обнять, чтобы имъ всѣмъ было такъ же хорошо, какъ ему въ эту минуту.

— Благій Человѣколюбче! Иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, посѣти же сего неизреченнымъ Твоимъ человѣколюбіемъ падшаго сего и раба грѣху бывша воспріемый и освѣтивый, яко да не погибнетъ до конца дѣло руки Твоя... Господи! Имя Тебѣ—Любовь: не отвергни меня, заблуждающагося человѣка. Имя Тебѣ—Сила: подкрѣпи меня, изнемогающаго и падающаго. Имя Тебѣ—Свѣтъ: просвѣти душу мою, омраченную житейскими страстями. Имя Тебѣ—Миръ: умири мутящуюся душу мою. Имя Тебѣ—Милость: не преставай миловать меня!

Съ каждымъ словомъ молитвы слезы умиленія, раскаянія и радости душили бѣднаго пьяницу все болѣе и болѣе, пока онъ наконецъ зарыдалъ. Съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ. Когда онъ пришелъ въ себя, от. Іоанна уже не было; комната была пуста, только членъ попечительства Х—въ оставался около него по просьбѣ батюшки, которому необходимо было ѣхать.

— Батюшка сказалъ, чтобы вы на-дняхъ пришли на исповѣдь и причастились св. Таинъ у него,—произнесъ г. Х—въ и потомъ тихо прибавилъ:—если у васъ нѣтъ денегъ, батюшка оставилъ вамъ 10 рублей.

Эти десять рублей были для Б—ва очень дороги, потому что и онъ и семья нѣсколько дней уже голодали; жена откуда-то добыла 50 к. ему на дорогу въ Кронштадтъ, а сама, вѣрно, осталась съ дѣтьми безъ гроша. Счастливый, радостный вернулся Б—въ

домой. Давно не видала его семья такимъ. Сейчасъ же они перебрались въ свѣтлую комнату, купили пищи, сапожишки дѣтямъ. На новосельѣ всѣ вмѣстѣ помолились. Раньше у нихъ не было принято читать общія молитвы и послѣднее время не было даже иконы; дѣти не знали «Отче нашъ». Теперь рѣшили молиться всѣ вмѣстѣ каждое утро и вечеръ. Тихо, мирно и счастливо прошелъ этотъ день. На слѣдующее утро Б—въ пошелъ на Никольскую площадь и нанялся поденщикомъ катать дрова. Это были первыя деньги (1 р. 10 к.), которыя онъ *заработалъ*. До сихъ поръ онъ только проживалъ, тратилъ и моталъ; онъ даже не наживалъ, не хотѣлъ сдѣлать какой-нибудь оборотъ, располагая значительными средствами, а ужъ заработать, правду сказать, и не сумѣлъ бы: вѣдь онъ ровно ничего не зналъ, не умѣлъ и ничему не учился. Теперь онъ воистину *заработалъ*, протаскавъ нагруженныя тачки съ 7 час. утра до 9 вечера. И странно! Онъ не ощущалъ никакой тяжести, не чувствовалъ утомленія и рвался работать, точно хотѣлъ наверстать этимъ потерянное, прожитое, миновавшее, заглушить открывшуюся совѣсть. Физическая простая работа была для него еще тѣмъ пріятнѣе, что онъ могъ мысленно сосредоточиться на своихъ новыхъ впечатлѣніяхъ и переноситься далеко-далеко на небесную лазурь, гдѣ рисовались престолъ Всевышняго, царство мира и добра, жизнь загробныхъ существъ. Ахъ, какъ хорошо жить душою какъ можно больше тамъ, тамъ! Какими пустыми, ничтожными кажутся всѣ наши «злобы», когда перенесешь мысль съ неба на землю! Тамъ вѣчность, слава, миръ, служеніе престолу Творца, а здѣсь—хлѣбъ плохо сегодня выпеченъ, водка разбавлена водою или рюмка пятачкомъ дороже. И изъ-за этого люди готовы подымать

скандалъ, шумѣть, драться, судиться... А радость душевная? Можетъ ли она сравниться съ радостью земною? Онъ имѣлъ постоянную ложу въ театрѣ, былъ знакомъ со многими «звѣздами» балета и оперетты, пилъ какъ воду лучшія заморскія вина и въ результатѣ—зѣвалъ, страдалъ головными болями, скучалъ и часто жалѣлъ потраченнаго времени, силъ. Всякое удовольствіе было дорого и желательно, пока нельзя было его получить, а какъ только получалъ—чувствовалъ пустоту, скуку. Развѣ это настоящая радость, наслажденіе? А теперь, когда онъ молился, и когда вся душа его трепетала, всѣ фибры его тѣла нѣмѣли въ тихомъ, нѣжномъ покоѣ, когда сердце переполнялось восторженнымъ порывомъ,—онъ воистину былъ счастливъ, счастливъ такъ, какъ раньше не имѣлъ даже представленія, понятія. И это счастье ни отъ кого не зависѣло, никто не могъ его похитить, оно всегда съ нимъ, при немъ и въ немъ. Бывало, считаешь себя «счастливымъ» въ обществѣ какой-нибудь красавицы; но эта красавица упорхнетъ, оставитъ пустой бумажникъ, и счастье превращается въ миражъ. Да и какое это «счастье», когда оно несетъ одни страданія, болѣзни и разочарованія. Новое же счастье, которое онъ нашелъ, не только постоянно, прочно, неизмѣнно, но оно и *вѣчно*, загробно. Это счастье самую смерть дѣлаетъ радостной...

Три дня Б—въ каталъ дрова... Сильный, здоровый, бодрый, веселый, онъ, казалось, былъ совершенно доволенъ своею судьбою... Семья повеселѣла, была сыта и тоже довольна; рубля съ гривенникомъ безъ пьянства хватаетъ за глаза на всѣ скромныя нужды... У нихъ получились даже сбереженія, такъ что на четвертый день Б—въ не пошелъ работать, а съ первымъ пароходомъ поѣхалъ въ Кронштадтъ къ отцу,

Іоанну... «Прежде исправь свою жизнь, а потомъ приступай къ св. Тайнамъ», — звучали у Б—ва слова батюшки... Но онъ, кажется, исправилъ свою жизнь! Онъ примирился со всѣмъ свѣтомъ, со всѣми друзьями и недругами, съ обстановкой, работой... Но главное, примирилъ душу свою съ Церковью, блуднымъ сыномъ которой онъ пробылъ 23 года! Теперь, когда онъ слышалъ благовѣстъ колоколовъ и не могъ оторваться отъ своей тачки, онъ мысленно присоединялся къ молящимся въ храмѣ съ ними заодно... Теперь онъ страдалъ бы, если работа или болѣзнь не позволили бы ему въ воскресенье пойти въ храмъ, а прежде 1.196 (23×52) воскресеній онъ пропустилъ и не подумалъ ни разу о церкви; спалъ до 12 часовъ, потому что наканунѣ былъ пьянъ и поздно вернулся.

Итакъ Б—въ началъ исправленіе своей жизни, началъ новую жизнь: въ мирѣ, вѣрѣ и любви; но ему предстояла еще нелегкая задача — *загладить прошлое*. Загладить добрыми дѣлами. Какъ я, простой дровокатъ, хотя и кончившій гимназію, владѣвшій когда-то домами, могу сдѣлать кому-нибудь добро? Какія добрыя дѣла я могу творить?

Съ такими мыслями сѣлъ онъ на первый пароходъ и поѣхалъ въ Кронштадтъ.

Отецъ Іоаннъ служилъ раннюю обѣдню въ церкви городской думы въ тотъ день, когда Б—въ съ первымъ пароходомъ пріѣхалъ въ Кронштадтъ. Служба уже началась. Б—въ съ трудомъ пробрался въ храмъ и сталъ въ отдаленіи. Въ церкви была масса причастниковъ. Ихъ не трудно было отличить по праздничному наряду и особо благоговѣйному настроенію. Б—въ опустился на колѣни. Онъ чувствовалъ себя совершенно спокойно, какъ человѣкъ, который, долго

что-нибудь искавъ, нашелъ и, послѣ прилива первой радости, успѣлъ освоиться съ мыслью о находкѣ. Его спокойствіе граничило съ состояніемъ полнаго счастія и довольства. Если бы его спросить въ эту минуту, чего онъ желалъ бы больше всего, онъ отвѣтилъ бы: «Остаться здѣсь». Онъ уже не боялся возносить мысли свои къ небу, присутствовать духомъ предъ престоломъ Всевышняго и молиться горячо, сердечно. Напротивъ, онъ чувствовалъ себя *тамъ* какъ въ родномъ, близкомъ и дорогомъ домѣ, какъ въ нѣжно любимомъ отечествѣ.

Ничто не нарушало его спокойствія, не отравляло его самаго радужнаго настроенія духа и не разстраивало нервовъ. Даже съ своимъ прошлымъ онъ примирился какъ съ неизбѣжнымъ, котораго вернуть невозможно!

Передъ причастіемъ отецъ Іоаннъ говорилъ слово о томъ, что весьма многіе приходятъ на духъ съ совершеннымъ равнодушіемъ, и если бы у нихъ не спросили ничего, то они ничего бы и не сказали или сказали только вообще, что де грѣшенъ, отецъ духовный, во всѣхъ грѣхахъ. И если бы еще это сказали съ сердечнымъ сознаніемъ своей вины,—нѣтъ, то и горе, что безъ сознанія грѣховъ своихъ, а такъ, чтобы скорѣе кончить дѣло. «Возлюбленные! Не будемъ дѣло крайняго милосердія Божія къ намъ грѣшнымъ обращать въ поводъ къ гнѣву Божію. Что мы за безчувственные такіе! Намъ ли не о чемъ поскорбѣть на исповѣди! Мало ли у насъ грѣховъ: если бы мы всю жизнь свою стали плакать о грѣхахъ своихъ,—и тогда бы не сдѣлали ничего лишняго, а только должное».

Слова пастыря, сказанныя кротко и ласково, произвели на слушателей глубокое впечатлѣніе... Многіе рыдали и громко говорили о своей грѣховности... Б—въ, пріѣхавшій съ цѣлью получить св. причащеніе, тутъ только созналъ, что онъ далеко еще не готовъ

принять великое таинство и соединиться со Христомъ. Какъ только от. Іоаннъ вышелъ съ св. чашею, Б—въ поспѣшилъ покинуть храмъ.

«Но неужели я не увижу еще дорогого батюшки? Неужели я не получу его благословенія?» думалъ онъ.

— Куда же вы пошли?—окликнулъ кто-то Б-ва, назвавъ его по фамиліи.

Онъ нѣсколько испуганно обернулся на окликъ. Передъ нимъ былъ членъ попечительства X.

— Я отстоялъ обѣдню, хочу на пароходъ,—отвѣчалъ Б—въ какъ бы машинально.

— Постойте. Батюшка хотѣлъ васъ видѣть. Идите въ «Домъ Трудолюбія». Знаете, вамъ мѣсто нашлось: управлять домомъ и вести агентуру заграничнаго асфальта. Хорошее мѣсто.

— Помилуйте. Я ничего не знаю и не умѣю. Я все еще не могу научиться тачку возить! Спасибо —товарищи учатъ и помогаютъ.

— Вѣдь это батюшка васъ рекомендуетъ; вы постарайтесь оправдать его довѣріе: онъ очень къ вамъ расположенъ...

— Я не знаю, какъ благодарить батюшку и васъ, г. X.

— Меня не за что, а лучшая благодарность батюшкѣ будетъ, если вы дѣйствительно исправите свою жизнь.

— О, если бы мнѣ подъ страхомъ смертной казни велѣли выпить теперь рюмку водки, я не согласился бы ни за что! Одно воспоминаніе о прошломъ заставляетъ меня дрожать отъ ужаса.

— Это прекрасно, но вы помните, что тѣло ваше слабо, а врагъ силенъ и караулитъ васъ каждую минуту... Соблазна больше, чѣмъ мы думаемъ, и поэтому часто гибнемъ тамъ, гдѣ меньше всего ожидаемъ... Старайтесь чаще видѣться съ батюшкой, чаще говѣть и какъ можно больше молиться; помните, батюшка

говорилъ: «Молитва—вода живая, которою душа утоляетъ жажду свою»...

— Да я счастливъ никогда не терять батюшки изъ виду!

— А вотъ хотѣли ѣхать, не получивъ благословенія... Пойдемте.

Они вошли въ отдѣльный номеръ «Дома от. Іоанна» и остались ждать. Отецъ Іоаннъ пришелъ только черезъ часъ и сейчасъ же пожелалъ видѣть Б—ва.

— Ну, какъ ты работаешь? Я молился за тебя. Богъ далъ тебѣ покаяніе. Ты можешь совсѣмъ теперь исправить свою жизнь.

Б—въ упалъ на колѣни и припалъ къ одеждѣ пастыря. Его душа была переполнена счастьемъ.

— А когда ты думаешь говѣть у меня?

— Батюшка, я еще не могу. Я не достоинъ.

— Кайся, кайся. Пріиди ко Христу съ вѣрою и покаяніемъ, и Онъ дастъ тебѣ миръ. Когда приготовишься, приходи, я исповѣдаю тебя. Нѣтъ ли враговъ у тебя, не обидѣлъ ли кого? Припомни и примирись, раньше чѣмъ приступать къ св. Тайнамъ.

Б—въ молчалъ и тихо плакалъ.

— Господь сказалъ: «Гдѣ двое или трое собрались во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ». Вотъ насъ съ тобой двое и Господь среди насъ. Въ присутствіи Господа я желаю тебѣ навсегда разстаться съ порочною жизнью, перестать пить и кутить, начать новую трудовую жизнь и славить Имя Его Пресвятое!

От. Іоаннъ положилъ на голову бѣдняка руку и троекратно перекрестилъ его. Нервная дрожь прошла по всему тѣлу Б—ва. Ему казалось, что онъ получилъ извнѣ новую силу, мощную, несокрушимую. Когда онъ поднялся съ колѣнъ, батюшки уже не было, но вдохновеніе не прошло и вызывало въ немъ какую-то гордость:

«Я буду мыслить, чувствовать, питаться Богомъ. Христосъ—надежда моя, дыханіе мое».

Въ тѣ времена, когда Б—ва окружала роскошь, богатство, толпа льстецовъ и прихлебателей, онъ не чувствовалъ въ себѣ столько сознанія собственнаго достоинства, какъ сейчасъ. Конечно, это достоинство всецѣло относилось къ духовному общенію съ Спасителемъ, но тѣмъ не менѣе косвенно оно вліяло и на него самого. Это «общеніе» онъ хранилъ и почиталъ какъ величайшую драгоцѣнность и залогъ своего существованія.

Мое знакомство съ Б—мъ относится къ тому моменту, когда онъ только-что причастился у отца Іоанна, получилъ мѣсто управляющаго и готовился снять свой туалетъ оборванца, простившись съ тачкой и двухрублевымъ «свѣтлымъ» угломъ. Его жена и дѣти воскресли къ новой жизни, помолодѣли, поздоровѣли; для дѣтей намѣчены уже были школы,—словомъ, я засталъ Б—ва на рубежѣ.

Мое знакомство съ нимъ длилось, какъ знаетъ читатель, всего два дня. Съ самаго момента перерожденія прошло только 3—4 недѣли. Очевидно, невозможно еще опредѣлить, долго ли продлится это новое настроеніе, и дѣйствительно ли навсегда Б—въ отрѣшился отъ кабака и загула. Но я разскажу читателямъ краткую біографію другого пьяницы, излѣченнаго молитвами кронштадтскаго пастыря, который *девятый* годъ ведетъ новую жизнь, и отвращеніе его къ прошлому растетъ и развивается съ каждымъ годомъ crescendo... Сравнивая этихъ двухъ излѣченныхъ, невольно приходится обратить вниманіе на полное тождество ихъ прошлаго и настоящаго, почему мнѣ кажется, что и Б—въ не вернется болѣе въ кабакъ. Слишкомъ сильны его нервное потрясеніе

и самосознаніе, а послѣднее самое важное! Громадное большинство порочныхъ людей не имѣютъ *проснувшейся* совѣсти, не сознаются сами себѣ въ своемъ паденіи и стараются увѣрить себя, что имъ очень хорошо, что лучшаго они не желаютъ и что въ прошломъ они не ошибались, а шли сознательно къ «достигнутой» цѣли. Напрасно имъ указываютъ на ихъ рубище, безпріютность, расшатанное здоровье, — все это «пустяки» въ сравненіи съ пережитыми «наслажденіями» въ кабакахъ, трактирахъ, въ обществѣ такихъ же пропившихся забулдыгъ, какъ они сами.

Когда Б—въ окончилъ свою исповѣдь и шагъ за шагомъ передалъ свои душевныя впечатлѣнія и волненія, то я поразился тождественностью ихъ съ впечатлѣніями И—ва, переставшаго пить, какъ я сказалъ, уже 9 лѣтъ и успѣвшаго за эти 9 лѣтъ нажить хорошее состояніе и сдѣлаться благотворителемъ.

— Я не боюсь прошлаго, но я его ненавижу! Я не страшусь выпить рюмку водки (чтобы не «запить»), но я питаю къ ней отвращеніе! Мои недавніе друзья по кабаку не опасны для меня, но жалки, гадки и рождаютъ чувство брезгливаго сострадания. Мнѣ особенно жаль, что это мои друзья по вѣрѣ, носящіе высокое званіе христіанина, принимавшіе, какъ и я, св. Таинства, имѣвшіе общеніе съ Богомъ! Если представить себѣ, что сердца ихъ суть жилища Христа Спасителя и въ этомъ «жилищѣ» отравленная сивухой атмосфера, грязнѣйшія похоти и побужденія, то больно и страшно становится за нихъ! Или не боятся они гнѣва Божія?! Или не понимаютъ страшной бездны, въ которой находятся и задыхаются?! Хотѣлось бы бѣжать къ нимъ, но не за тѣмъ, чтобы выпить съ ними по стаканчику, а закричать имъ: «Опомнитесь, плачьте и рыдайте, пока есть время!»

Вотъ что говорилъ 8½ лѣтъ тому назадъ И—въ, и что повторяетъ почти слово въ слово теперь Б—въ.

Можно ли думать, что это неискренно или непрочно?

— Скажите, Б—въ,—спросилъ я:—не приходило ли вамъ въ голову, что черезъ годъ или два вы опять въ опоркахъ будете пьянствовать въ Боровой улицѣ?

Б—въ задумался и опустилъ голову.

— Приходило. Знаете, при какихъ условіяхъ это возможно? Если бы я лишился возможности часто видѣть от. Іоанна, получать св. причащеніе и молиться... Я замѣчалъ, что если я нѣсколько *часовъ* только предаюсь исключительно земнымъ заботамъ, то я постепенно и быстро удаляюсь отъ небесныхъ сокровищъ... Довольно два-три дня пробыть безъ молитвы и на четвертый день уже *не хочется* молиться; уже надо себя приневоливать; молитва является не потребностію, стремленіемъ, радостью души, а исполненіемъ долга, обязанностью... Если итти дальше, то и св. причащеніе сдѣлается такимъ же формальнымъ долгомъ, а затѣмъ полная пустота вѣры, любви къ Богу и надежды на Спасителя! Вотъ тогда весьма возможно, что образовавшуюся пустоту пополнитъ врагъ, а отсюда до кабака меньше одного шага! Поэтому-то я стараюсь почти постоянно быть въ общеніи съ Небомъ... Мы съ вами теперь разговариваемъ, а каждая пауза моей рѣчи есть мысленный полетъ къ престолу моего Господа! И это не по долгу, а потому, что я скучаю, впадаю въ тоску, если не могу часто молиться. Это теперь моя потребность, моя вторая натура, атмосфера, мой воздухъ, безъ котораго я не могу дышать. Попробуйте задержать дыханіе, зажать ротъ и носъ. Вы станете задыхаться; такъ и я духовно задыхаюсь, если не обращаюсь поминутно къ

Небу. Разумѣется, пока это такъ, я не могу погибнуть, не могу вернуться къ прежней жизни. Но... но если бы это прекратилось, и духовно я умеръ бы, то весьма вѣроятно, что тѣлесно я сдѣлался бы опять пьяницей! Вѣдь во всемъ мы тоже ищемъ возбужденія, оживленія, веселія. Почему пьяница такъ жаждетъ водки? Говорятъ, «душа проситъ». И это вѣрно! Дѣйствительно «душа». Называйте эту «душу» нервами, натурой, чѣмъ хотите, все равно «душа проситъ». А если эта душа, какъ у меня, трепещетъ предъ престоломъ Всевышняго, проситъ общенія съ Небомъ, то гдѣ же мѣсто для сивухи, кабака?!..

— И неужели вамъ не тяжело, не утомительно это постоянное мысленное обращеніе къ Небу?

— А вамъ не утомительно постоянно втягивать въ себя воздухъ? Вы даже ночью во снѣ это дѣлаете и не устаете. Попробуйте слиться тоже духовно съ Небомъ и вы увидите, что это необыкновенно освѣжаетъ, оживляетъ и подкрѣпляетъ голову! А какъ хорошо сердцу?! Мнѣ кажется, кто разъ это попробуетъ, тотъ уже не перестанетъ жить духовно! А какой получается покойный, радужный взглядъ на все окружающее?! Самая отчаянная подлость ближняго не ожесточаетъ васъ, а вызываетъ только сожалѣніе къ подлецу. Сердиться, раздражаться невозможно, значитъ нервы ваши всегда въ порядкѣ, а это не шутка!

Я простился съ Б—мъ очень сердечно и выразилъ надежду встрѣтиться съ нимъ когда-нибудь еще разъ. Я постараюсь не потерять его изъ виду для своихъ наблюденій, а теперь познакомлю читателей съ другимъ экземпляромъ, не менѣе интереснымъ, съ И—мъ. И—въ человѣкъ другой среды. Онъ не кончилъ гимназіи и грамоту плохо знаетъ, но такъ же, какъ и Б—въ, имѣлъ большое состояніе, которое все пропилъ, про-

кутилъ и пришелъ къ отцу Іоанну 8½ лѣтъ тому назадъ въ резиновыхъ опоркахъ.

Прослѣдить вкратцѣ перерожденіе И—ва интересно еще потому, что мы имѣемъ здѣсь почти девять лѣтъ опыта, тогда какъ у Б—ва только 3 недѣли.

И—въ при своей грубой, неотесанной натурѣ могъ назваться воплощеніемъ всяческихъ пороковъ, увлеченій и страстей. Женщина, игра и вино были его постоянными спутниками. Къ счастью, человѣкъ холостой, онъ не губилъ по крайней мѣрѣ семьи, не заѣдалъ чужой жизни—жены и дѣтей. Совершенно неразвитой, безъ вкуса и безъ серіозныхъ мыслей въ головѣ, И—въ ежедневно напивался, устраивалъ оргіи и моталъ деньги безъ счета, полагая, вѣроятно, что состояніе его неистощимо. И точно, оно было велико: 11,000 десятинъ земли на югѣ, два дома въ Петербургѣ и около 30,000 р. въ бумагахъ. И такія-то состоянія спускаются въ столицѣ въ нѣсколько лѣтъ! Правда, около И—ва многіе нажили деньги. Напримѣръ, когда онъ продалъ свои имѣнія за 700,000 руб., то купившіе сейчасъ же перепродали одинъ лѣсъ на вырубъ за 650,000 руб., а затѣмъ распродали землю, по участкамъ, почти за милліонъ и оставили себѣ нѣсколько чудныхъ дачъ съ фруктовыми садами и богатѣйшимъ инвентаремъ. Точно такъ же и два дома его были заложены въ тульскомъ банкѣ за сумму въ полтора раза больше той, которую ему заплатили, и одни комиссіонеры заработали тутъ около 30 тысячъ рублей. Я не говорю про многочисленную толпу прихлебателей, которая питалась и жила нѣсколько лѣтъ на его счетъ. Десятки актрисъ и пѣвицъ сохранили отъ И—ва на память крупные брильянты, массивные браслеты, броши и проч. драгоцѣнности. Я могъ бы

назвать трехъ ресторановъ, въ карманы которыхъ перешло не меньше 200 тысячъ рублей изъ капиталовъ И—ва. Тупая, жирная физіономія И—ва не выражала ничего, кромѣ апатіи и пресыщенія. Его обманывали и обсчитывали какъ хотѣли; никогда онъ не заводилъ никакого спора, ни у кого не спрашивалъ отчета, никого не повѣрялъ, хотя кругомъ его не было ни одного человѣка сколько-нибудь къ нему расположеннаго, и ни одинъ не жалѣлъ его, не питалъ къ нему симпатіи. Составляя до цинизма недобросовѣстные счета, нѣкоторые фыркали ему прямо въ носъ, а онъ какъ младенецъ качалъ головой въ знакъ согласія. Жизнь въ такомъ состояніи толстовскаго непротивленія или, лучше сказать, гончаровской обломовщины совершенно засосала И—ва. Послѣдніе часы онъ только пилъ въ возраставшей пропорціи. Игра, актрисы, театры—все ему надоѣло, и онъ ограничивался тѣмъ, что, вставая въ 2 часа дня, начиналъ пить и съ небольшими перерывами пилъ до разсвѣта. Когда состояніе его пошатнулось, онъ встрепенулся, попробовалъ было проявить какую-нибудь дѣятельность, но было поздно. Конечно, человѣкъ знающій, опытный и энергичный легко могъ сберечь при разгромѣ койкакія крохи, которыхъ хватило бы для безбѣднаго существованія; но И—въ не въ состояніи былъ даже оріентироваться! Посыпались пени, взысканія, описи судебныхъ приставовъ и публичныя продажи. У него все продали съ молотка до послѣдней кровати, которая по закону не подлежитъ продажѣ, а у него продали! Сразу, меньше чѣмъ въ мѣсяцъ, И—въ изъ Креза превратился въ безпріютнаго нищаго! У него рубля не осталось за душой! Всѣ его бросили, отшатнулись отъ него. Не покинула его одна только... жажда и страсть къ выпивкѣ! Теперь больше, чѣмъ когда-ни-

будь, ему хотѣлось выпить, напиться, забыться... Новый владѣлецъ его дома, бывшій его же старшій дворникъ, сжалился надъ нимъ и далъ ему временно свѣтлый уголъ... У него же онъ выпрашивалъ на выпивку... Первое время послѣ Дононовъ и «Самаркандовъ» ему трудно было мириться съ вертепами Боровой, Глазовой и Обводнаго канала, но здѣсь у него скоро составилась своя компанія, завелись друзья, и жизнь потекла своимъ чередомъ... жизнь вѣчно во хмелю! Хмель дѣйствовалъ на И—ва какимъ-то примиряющимъ образомъ... Трезвый—онъ вспоминалъ прошлое, прожитое; клялъ себя и другихъ, скрежеталъ зубами отъ безсильной злобы; а во хмелю—онъ все забывалъ и предавался созерцанію... полштофа!.. Жаль только, что для такого состоянія было мало выпитаго: сколько бы онъ ни выпилъ, но его тянуло все къ новой косушкѣ... Всѣ товарищи удивлялись его крѣпости... Какъ только утромъ онъ вставалъ—сейчасъ за стаканчикъ, безъ котораго онъ трясся, стоналъ, тихо плакалъ и готовъ былъ на колѣняхъ просить стаканчикъ... Частенько ему приходилось послѣднее время плакать, потому что достать на косушку онъ не умѣлъ. «Стрѣлять» съ нищими онъ не рѣшался ходить, воровать и подавно, а у бродяжекъ въ распоряженіи только эти средства и имѣются. Сталъ онъ писать письма къ своимъ бывшимъ друзьямъ. Очень многіе были ему должны значительныя суммы на честное слово. Масса людей считала себя многимъ ему обязанной и когда-то клялась въ вѣчной признательности. Дрожащей рукой несчастный пьяница выводилъ іероглифы на засаленной бумагѣ и безъ конвертовъ отправлялъ посланія съ своими новыми пріятелями, такими же, какъ онъ, оборванцами. Очень возможно, что многія посланія застряли у дворниковъ

и швейцаровъ, не дойдя по адресу, но только ни на одно письмо И—въ не получилъ отвѣта. Пробовалъ онъ послѣ этого визитировать лично къ своимъ должникамъ, но съ такимъ же неуспѣхомъ: швейцары принимали его за нищаго и безцеремонно гнали, грозя полиціей. Однажды онъ поймалъ своего самаго закадычнаго друга въ тотъ моментъ, когда тотъ заносилъ ногу въ поданную карету.

— Иванъ Егоровичъ!..

Другъ обернулся. Пристально посмотрѣлъ на посинѣвшее лицо пропойца. Весь вспыхнулъ, поблѣднѣлъ и поскорѣе вскочилъ въ карету.

— Иванъ Егоровичъ! Я—И—въ!.. Или ты...

— Трогай!...

Карета захлопнулась, лошади рванули. И—въ почувствовалъ на воротѣ мощную руку швейцара.

— Ахъ ты, рвань несчастная! Смѣешь ты нахально приставать къ барину! Го-ро-до-вой!..

Явился городовой. И—ва съ дворникомъ отправили въ участокъ. Дежурный полицейскій офицеръ посмотрѣлъ на паспортъ приведеннаго, потомъ на него самого.

— Вы тотъ самый И—въ, которому принадлежали дома, капиталы, имѣнія?

— Да.

— За что васъ задержали?

Онъ разсказалъ.

— Вы свободны, можете итти.

Итти! Куда? Онъ ничего не имѣлъ бы противъ того, чтобы остаться, если бы только ему дали нѣсколько стакановъ водки. Ну, много ли ему надо? Онъ даже готовъ отказаться отъ пищи, только стаканчикъ, стаканчикъ...

Былъ моментъ, когда И—въ остановился на мысли о самоубійствѣ. Дѣйствительно, это былъ единствен-

ный и во всѣхъ отношеніяхъ лучшій исходъ. Впереди ничего. Въ настоящемъ нищета. Прошлое погибло безвозвратно. Ни привязанностей ни цѣли въ жизни. Одни страданія. А смерть? Она не страшила И—ва. Вѣдь умирать все равно надо! Что ждетъ его за гробомъ? Ничего или... или... Да не все ли это равно! Вѣдь умереть отъ холеры или петли не то ли же самое?! Какая разница?! А за что и ради чего онъ будетъ переносить всѣ эти страданія и невзгоды?! Чистый «барышъ» умереть какъ можно скорѣе! Надеждъ нѣтъ, силы слабѣютъ, здоровье приходитъ въ упадокъ. Совсѣмъ уже примирившись съ мыслью о самоубійствѣ, И—въ пошелъ выпить «какъ слѣдуетъ» послѣдній разъ. Онъ прошелъ по Обводному каналу и только-что хотѣлъ свернуть въ «свой» пріютъ, какъ увидѣлъ огромную толпу бѣжавшаго народа. Женщины и мужчины, въ опоркахъ и бархатныхъ нарядахъ, бѣжали безъ оглядки какъ на пожаръ. И—въ остановился въ недоумѣніи. Что бы это могло быть? Онъ пошелъ за толпой. Всѣ бѣжали къ Балтійскому вокзалу.

— Чего это они бѣгутъ?— спросилъ онъ одного прохожаго.

— Батюшку встрѣчаютъ.

«Батюшку? Отца Іоанна? Ахъ, да: это многопрославленный кронштадтскій священникъ. Я слышалъ, читалъ о немъ,—думалъ про себя И—въ.—Удивительный человѣкъ! Что жъ! Попрошу его благословенія на тотъ свѣтъ; можетъ-быть, легче будетъ умирать. Никогда не видѣлъ его, а пишутъ и разсказываютъ много о немъ. Правда ли все это? Однако, вонъ какъ бѣгутъ, толкаются, спѣшатъ, лѣзутъ. Цѣпь жандармовъ не можетъ сдержать. Чу-да-ки».

Разсуждая самъ съ собой, И—въ дошелъ до вокзала и сталъ въ отдаленіи. Пришелъ поѣздъ. Толпа зако-

лыхалась, обнажила головы, потянулись сотни рукъ. Окруженный жандармами, появился на подъѣздѣ от. Іоаннъ. Онъ тоже былъ безъ шляпы, и длинныя пряди волосъ спускались на плечи. Если бы не жандармы, ему никогда не удалось бы пробраться къ каретѣ. Какъ безцеремонны однако его почитатели! Вѣдь ихъ приходится силой отгонять. Крики, стоны, слезы, причитыванія. Почти четверть часа длилась борьба, пока удалось усадить батюшку въ карету, и лошади тронулись. Народъ бѣжалъ, пока карета не помчалась и не скрылась изъ виду. Разошлись всѣ, разсѣялась толпа, и тутъ только очнулся И—въ, продолжавшій стоять на площади безъ шапки. Что съ нимъ приключилось? Сердце билось, а изъ головы не выходилъ видъ священника съ непокрытой головой, котораго какъ ребенка, чуть не на рукахъ, несутъ въ карету. И воображеніе рисуетъ ему этого священника, вблизи котораго такъ хорошо, такъ спокойно, счастливо. Совсѣмъ новое, незнакомое ему чувство. И захотѣлось ему видѣть еще разъ, видѣть ближе этого священника, захотѣлось такъ, какъ прежде хотѣлось съ похмелья сороковку! А сороковка? А петля, какъ единственный выходъ? Все это исчезло въ головѣ, и всѣ мысли остановились но образѣ чуднаго священника. И—въ пошелъ по направленію, куда скрылась карета. Ходилъ долго онъ по улицамъ, спрашивалъ,—все безуспѣшно. Тогда онъ вернулся обратно къ вокзалу и рѣшилъ ждать. Ну, не удивительно ли это? Нѣсколько часовъ тому назадъ онъ удивлялся, что люди бѣгутъ встрѣчать священника, а теперь онъ ждетъ его на площади, голодный и холодный, ждетъ, не зная, сколько времени придется ему тутъ стоять, да и дождется ли еще онъ? Вѣдь никто ему не говоритъ, поѣдетъ ли батюшка обратно сегодня и съ какимъ

поѣздомъ. Однако И—ву ожиданіе не казалось тягостнымъ; напротивъ, ему пріятно было ждать, хоть до ночи! Онъ пошелъ къ вокзалу, забрался на дебаркадеръ, притаился въ уголку и остался ждать. Сколько прошло времени, онъ не могъ опредѣлить, потому что онъ, собственно, не ждалъ, а оставался въ ожиданіи, и это состояніе его вполнѣ удовлетворяло. Если бы отецъ Іоаннъ вовсе не пріѣхалъ, то ему нисколько не было бы жаль потеряннаго времени. Напротивъ, онъ охотно и завтра будетъ ждать и послѣзавтра, лишь бы надежда самой возможности видѣть не исчезла, лишь бы оставалось «можетъ-быть»... Начинало смеркаться, когда на вокзалѣ появились женщины въ черныхъ платкахъ... Это—предвѣстники прибытія батюшки... Женщины съ постными физіономіями и въ полутраурныхъ платьяхъ окружаютъ батюшку въ Кронштадтѣ и Петербургѣ; тамъ онѣ держатъ квартиры для пріѣзжающихъ богомольцевъ, а здѣсь по очереди возятъ батюшку къ больнымъ... И—въ заволновался, вышелъ изъ своей засады и подошелъ къ одной изъ женщинъ.

— Батюшка поѣдетъ сегодня въ Ораніенбаумъ?

— Да, въ 7 час. 30 минутъ.

— А что мнѣ удастся подойти къ нему?..

— Вѣрно попросить на бѣдность хочешь?

— А развѣ онъ даетъ на бѣдность? У меня есть вотъ 12 коп., я хотѣлъ просить его взять...

Женщина посмотрѣла на И—ва съ такимъ удивленіемъ, точно онъ выбѣжалъ изъ дома умалишенныхъ...

— Ты смѣешься или въ самомъ дѣлѣ не въ полномъ разумѣ?

— Отчего? Право, я серіозно говорю... Мнѣ просто очень хочется видѣть батюшку!

Женщина отошла отъ него, ничего не отвѣтивъ. Дебаркадеръ сталъ наполняться народомъ. Около купэ 1-го класса появились жандармы.

И—въ догадался, что купэ приготовлено для батюшки, и сталъ поодаль. Дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ хлынула толпа, появилась движущаяся цѣпь жандармовъ и въ срединѣ группы непокрытая голова священника. И—въ не давалъ оттереть себя и стоялъ около самаго вагона. Группа прошла въ разстояніи шага отъ него. Онъ успѣлъ дотронуться до рясы священника и перекрестился. Въ этотъ моментъ священникъ обернулся къ нему и кивнулъ головой. О! этого момента И—въ никогда не забылъ послѣ. Когда батюшку водворили въ купэ и толпа сгруппировалась около вагона, И—въ стоялъ въ числѣ первыхъ. Онъ увидѣлъ въ окнѣ сіяющее добротой и лаской лицо отца Іоанна. Но каково было его удивленіе, когда окно открылось и въ него высунулась рука священника, направленная прямо къ нему! И—въ схватилъ руку и горячо поцѣловалъ. Въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ въ своей рукѣ бумажку. Когда поѣздъ уже тронулся и народъ сталъ расходиться, И—въ развернулъ кулакъ и увидѣлъ двѣ десятирублевыя кредитки.

«За что мнѣ это?—думалъ онъ.—Что я сдѣлаю съ ними? Вѣдь это не деньги, а святыня!»

Какъ въ туманѣ, съ переполненнымъ новыми впечатлѣніями сердцемъ, вышелъ И—въ на улицу.

Куда?!.. Ему и въ мысль не пришло итти по заранѣе намѣченному маршруту. Паспортъ и все имущество было при немъ. Онъ пошелъ къ ночлежному пріюту благотворительнаго Общества и рѣшилъ, что съ «капиталомъ батюшки» ему предстоитъ начать новую жизнь. Какъ, какую жизнь и съ чего начать, онъ

еще не зналъ, но во всякомъ случаѣ исходъ найденъ, заря занялась, надежда явилась, и неизвѣстно откуда взялась энергія,—энергія твердая и несокрушимая, какой не имѣлъ онъ никогда, будучи богачомъ!..

И—въ всталъ рано утромъ на слѣдующій день. За послѣднія семь-восемь лѣтъ первый разъ онъ всталъ безъ головной боли «съ похмелья». Отсутствіе «похмелья» имѣло послѣдствіемъ то, что у него не было ни малѣйшаго желанія «выпить». Напротивъ, ему было противно отравить свой тощій организмъ острымъ сивушнымъ зѣльемъ! Но вмѣсто желанія выпить у него явилось другое страстное, неотразимое желаніе—удалиться куда-нибудь, скрыться отъ этихъ поганыхъ, грязныхъ трущобъ съ ихъ картинами разврата, цинизма и убожества нравственнаго и физическаго. Все, все окружающее вызывало въ немъ отвращеніе. Перейти въ другую обстановку, въ другой кругъ людей для него сейчасъ было невозможно. Его просто не пустятъ ни въ чистый ресторанъ ни даже въ городской скверъ или садъ. У всѣхъ почти входовъ въ Александровскій садъ стоятъ жандармы, пропускающіе исключительно прилично одѣтую публику. Можетъ-быть, франтъ въ цилиндрѣ идетъ въ садъ съ самыми непристойными цѣлями «охотиться» въ полутемныхъ аллеяхъ, а рабочій, блузникъ, воистину хочетъ отдохнуть и подышать послѣ дневной работы въ душной фабрикѣ; но... первому говорятъ: «милости просимъ», а второму—«пошелъ назадъ!».. Куда? Въ кабакъ, на постоялый дворъ, на черную половину трактира... «Нѣтъ, нѣтъ, ни за что не пойду,—думалъ про себя И—въ.—Лучше голоднымъ останусь, лучше на край свѣта уйду!.. На край?.. Нѣтъ, не на «край», а пойду

пѣшкомъ въ Ораніенбаумъ и оттуда въ Кронштадтъ къ батюшкѣ»... Эта мысль охватила его съ такой силой, что онъ, не раздумывая больше, пошелъ къ Нарвскимъ воротамъ и черезъ часъ вышелъ уже изъ предѣловъ города.

Былъ жаркій іюльскій день... Какъ только исчезли послѣднія городскія зданія, развернулась картина чудной природы, зеленаго простора и манящей дали... Контрастъ съ городскою вонью, грязью и пылью, съ его вонючими притонами подъ полосатыми красными вывѣсками былъ такъ великъ, что И—въ восхищался даже болотистымъ кустарникомъ, худосочными колосьями ржи и плѣшивыми лугами... Все въ этой убогой природѣ казалось ему необыкновенно красивымъ, эффектнымъ и прекраснымъ... Онъ отошелъ отъ дороги, выбралъ тѣнистую березку и опустился на землю подъ широкими вѣтвями... Давно не было ему такъ легко на душѣ, свѣтло въ головѣ и радостно въ общемъ, имѣя въ карманѣ «капиталъ батюшки»!.. Онъ весь погрузился въ себя...

Мы видѣли уже теченіе мыслей и «психическое перерожденіе» другого пьяницы, «познавшаго» духовную радость, въ изобиліи раздаваемую и расточаемую кронштадтскимъ пастыремъ. Это духовное примиреніе съ Богомъ, Церковью и собственной совѣстью представляетъ сокровище, счастье и радость во много разъ выше, чѣмъ исцѣленіе отъ физическихъ недуговъ или матеріальная помощь, тоже обильно проливаемыя отцомъ Іоанномъ. И—въ сталъ на этотъ путь. Свѣтъ вѣры и любви проникъ въ его душу и согрѣлъ его во сто кратъ больше, чѣмъ грѣла еще недавно сивуха. Онъ любилъ сивуху именно за то, что она «щемила нутро», какъ выражаются пьяницы. А теперь его «нутро» тоже «защемило», сердце забилось, и на душѣ

стало легко, отрадно. Но какая разница! Тогда туманилась голова, помрачался разсудокъ, появлялась боль, раздраженіе, терялась способность давать себѣ отчетъ и сознавать поступки. А теперь свѣтло, ясно, хорошо и чѣмъ дальше, тѣмъ свѣтлѣе, лучше.

Я не буду шагъ за шагомъ слѣдить за духовнымъ перерожденіемъ И—ва, потому что иначе мнѣ пришлось бы повторяться; я отмѣчу нѣкоторыя особенности. И—въ человѣкъ, хотя и малоразвитый, но съ довольно сильнымъ характеромъ и крѣпкой волей, энергіей. Сивушный чадъ какъ бы притупилъ временно его волю, заволокъ туманомъ его энергію и давалъ ему возможность проявлять свой характеръ только въ количествѣ выпитой сивухи. Онъ, напримѣръ, два года не имѣлъ никакихъ доходовъ, хотя полиція прописывала его живущимъ «собственными средствами», и, тѣмъ не менѣе, онъ каждый день былъ пьянъ! Какимъ образомъ? Намъ, живущимъ трудомъ, это кажется совершенно невѣроятнымъ, невозможнымъ, непонятнымъ, а тысячи пьяницъ и бродяжекъ ежедневно на дѣлѣ доказываютъ, что это вполнѣ *возможно*. Иногда остается только умиляться ихъ находчивости, изобрѣтательности, энергіи и желѣзной волѣ! Такъ точно и И—въ умѣлъ годы жить и напиваться, хотя онъ не сѣялъ, не жалъ и въ житницы не собиралъ. Никакой бухгалтеръ кредитнаго общества не додумается до такихъ комбинацій, какія проводилъ въ кабакѣ И—въ, чтобы получить въ долгъ пару косушекъ и напиться. Выпросить, уговорить кого-нибудь, очистить себѣ выпивку было для И—ва обыденнымъ занятіемъ. Заставьте его достать гривенникъ на полезное предпріятіе, онъ не можетъ, а на выпивку полтинникъ раздобудетъ. Предложите ему снести куда-нибудь посылку или исполнить порученіе за 20—30 коп., онъ не только

откажется, но оскорбится, а ради косушки готовъ на колѣняхъ стоять передъ вами и цѣловать хоть ноги. Дайте ему на выборъ привольное житье безъ водки или голодное мыканье съ выпивкой, онъ не задумается выбрать послѣднее. Такъ велика въ алкоголикахъ страсть къ пьянству, и не удивительно, что эта страсть поглощаетъ въ нихъ всѣ чувства, мысли, желанія и всю работу мозга. Статистическими цыфрами можно доказать, что девять преступникввъ изъ десяти совершаютъ кражи, грабежи и разбой во имя одной этой страсти. Девять нищихъ изъ десяти, девять разбитыхъ семей и надорванныхъ организмовъ обязаны этимъ алкоголю. Праздность, задолженность, безпутство, преждевременная смерть или самоубійство,—все это въ 9 случаяхъ изъ 10 есть послѣдствіе алкоголя.

И—въ не потомственный алкоголикъ. Онъ родился и выросъ совершенно здоровымъ, что доказываетъ его желѣзный организмъ; но онъ втянулся въ пьянство постепенно. Сначала рюмка передъ обѣдомъ, потомъ 2—3, потомъ выпивка за обѣдомъ, а въ концѣ-концовъ пьянство и внѣ обѣда! Развиваясь постепенно, страсть къ сивухѣ не имѣетъ границъ. Привыкая къ выпивкѣ, хочется съ каждымъ днемъ все больше и больше, и нѣтъ предѣла этому «хотѣнью»! И—въ пилъ послѣднее время по 3—4 косушки (полбутылки); но если представлялся случай, онъ пилъ 6—7 и выпилъ бы еще. Не было случая, чтобы кто-нибудь изъ его собутыльниковъ сказалъ: «довольно, не хочу». Довольно, когда нѣтъ больше, нечего выпить, или когда свалился подъ столъ безъ сознанія. Но это «довольно» только до того момента, когда сознаніе вернулось, или явилась возможность снова напиться. Итакъ всю жизнь до скорой, обыкновенно, могилы или палаты въ домѣ умалишенныхъ.

Длинной вереницей картины прошлаго, какъ въ панорамѣ, проходили въ головѣ И—ва, когда онъ сидѣлъ подъ березой на пути къ «батюшкѣ».

И—въ сосредоточился всецѣло на своемъ будущемъ и старался забыть все прошлое. Правда, въ этомъ прошломъ не было ничего позорнаго, преступнаго или противозаконнаго, но поступковъ и вещей некрасивыхъ, безнравственныхъ и глубоко порочныхъ болѣе, чѣмъ достаточно. Спустить такой капиталъ, какой былъ у него, запутаться, надѣлать долговъ и въ концѣ концовъ четыре года жить безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій и заработковъ нельзя иначе, какъ заглушивъ предварительно совѣсть, потерявъ стыдъ и забывъ всякій долгъ гражданина, человѣка и сына православной Церкви. Эти факты, какъ страшныя тѣни, лѣзли ему въ голову противъ желанія, проходили въ мозгу длинной вереницей и заставляли сжиматься сердце. Ему стыдно становилось самого себя, окружающей природы и какого-то неяснаго еще образа всевидящаго, вездѣсущаго, неизмѣняемаго и вѣчно существующаго нынѣ и присно и вовѣки вѣковъ. А что это за картины?! Какія мерзкія, отвратительныя и глупыя положенія онъ занималъ! Въ какомъ состояніи онъ находился?! Хуже всякой скотины! Вонъ вдали пасутся эти «скотины», которыхъ часто человѣкъ поминаетъ въ смыслѣ брани. Не въ тысячу ли разъ онѣ благочиннѣе, приличнѣе, добрѣе и чище иного «человѣка» въ кабакѣ, пьянаго, безсмысленнаго, похотливаго и гадливаго? Если бы скоты могли обижаться, они сочли бы за оскорбленіе сравненіе себя съ такимъ человѣкомъ, въ родѣ И—ва. Никакой скотъ не переноситъ ни водки ни табаку и не бываетъ такъ жестокъ, не-

благодаренъ и несправедливъ какъ человѣкъ сроднившійся съ кабакомъ. Я не буду приводить эти картины прошлаго И—ва. Все знакомыя сцены изъ питейной хроники, сцены разгула, разврата, пьянства и грязи. Читатели и безъ того на каждомъ шагу встрѣчаются съ этими сценами. Хорошо онѣ намъ знакомы, но наши нервы такъ привыкли къ нимъ, что у насъ не остается впечатлѣніе даже и отъ такихъ фактовъ, гдѣ гибнутъ жизни, льется кровь, потрясаются основы семейной жизни, общественной и религіозной. Рѣдко удается развернуть № газеты, чтобы не найти въ судебной хроникѣ или дневникѣ приключеній нѣсколькихъ такихъ фактовъ. День клонился уже къ вечеру, когда И—въ всталъ съ своего пня, чтобы продолжать путь. Онъ ничего еще не ѣлъ съ утра и не хотѣлъ ѣсть, но внутреннее волненіе ослабило его настолько, что онъ шатался какъ пьяный. Онъ не видѣлъ исхода. Жить съ этими воспоминаніями казалось ему невозможнымъ. Они душили, давили его и причиняли невыносимыя муки. А какъ же отъ нихъ отдѣлаться?! Вѣдь это не миражи разстроеннаго воображенія, не иллюзіи—плоды фантазіи, а быль и факты, свидѣтели, очевидцы которыхъ налицо! Подъ тяжестью этихъ фактовъ онъ опротивѣлъ самъ себѣ! Каждая травка, цвѣтокъ, кустикъ и все живущее въ природѣ уличало его какъ негодяя, надѣлавшаго столько мерзостей! Ему стыдно было смотрѣть на нихъ, потому что они чисты, невинны, хоть и ничтожны; а онъ, молодой, сильный, здоровый человѣкъ, царь этой природы, опустился и унизился до такой грязи, что цвѣточекъ или травка умерли бы при одномъ прикосновеніи къ этимъ гадостямъ.

И—въ не понималъ еще, что въ немъ проснулась совѣсть, требующая возмездія за прошлое и призывающая его къ отвѣту. Онъ думалъ, что это ужасное

состояніе сейчасъ пройдетъ, онъ все забудетъ и составитъ себѣ планъ будущей жизни съ «капиталомъ отца Іоанна». Къ отцу Іоанну онъ относился какъ къ человѣку прославленному, одаренному непонятной силой, вліяніемъ; человѣку, способному всѣмъ помогать отъ всѣхъ бѣдъ, золъ и въ томъ числѣ ему помочь начать будущую новую жизнь. Какъ *самъ* онъ относится къ кронштадтскому пастырю, и почему пастырь *долженъ* непремѣнно ему помочь,—онъ не задавалъ себѣ вопроса; считаетъ ли онъ самъ от. Іоанна за пастыря, сильнаго вѣрою и благодатію Божіею, вѣритъ ли самъ онъ въ эту благодать, И—въ не зналъ и самъ. Все это казалось ему не важнымъ, второстепеннымъ. Главное, начать новую жизнь! А прошлое случайно вспомнилось и сейчасъ пройдетъ навсегда, исчезнетъ въ Лету. Однако, это прошлое не уходило изъ его головы, а напротивъ, давило все сильнѣе и неотвязнѣе приставало къ нему. Онъ чувствовалъ, что падаетъ духомъ, теряетъ радужныя перспективы и тщетно ищетъ выхода. Тогда онъ сталъ искать оправданій этому прошлому.

«Развѣ я одинъ такъ жилъ и живу? Не тысячи ли живутъ хуже?! Я не воровалъ, не грабилъ и не убивалъ никого, а въ нашемъ ночлежномъ домѣ скрываются два каторжника изъ Сибири, обагрявшіе не разъ кровью свои руки?! И вѣдь они веселы, довольны, шутятъ надъ своимъ прошлымъ. Почему же мнѣ тосковать, когда я сравнительно съ ними прекрасный человѣкъ. А мало ли я сдѣлалъ добра? Сколькимъ я помогъ въ свое время? Правда, послѣдніе годы я больше выпрашивалъ, чѣмъ давалъ, но это потому, что я самъ страдалъ, очень страдалъ и ничего не имѣлъ! Нѣтъ, положительно ерунда! Мнѣ стыдно травки, цвѣтка, птички, потому что они чище, невиннѣе; но вѣдь хо-

рошо имъ жить на всемъ готовомъ! Поставить бы ихъ въ мое положеніе, они, можетъ-быть, больше нагрѣшили бы! Смѣшно сравнивать человѣка съ травкой! Надо сравнивать равное съ равнымъ... Вотъ, напримѣръ, я и Петька кривой, который отнялъ у жены послѣдній матрацъ, продалъ его маклаку, пропилъ деньги и жену же голодную избилъ до полусмерти. Развѣ я не добрѣе, не лучше этого Петьки?!.»

Въ былое время этихъ разсужденій было бы вполнѣ достаточно, чтобы вернуть прекрасное расположеніе духа. Но теперь они мало помогли И — ву. Какой-то голосъ внутри его сейчасъ же ему оппонировалъ:

«Неправда. Лжешь. Тѣ пьяницы и каторжники въ тысячу разъ лучше тебя, потому что никто изъ нихъ не имѣлъ такихъ капиталовъ, какъ ты, и которые ты спустилъ пошло, гадко, постыдно! Они лучше тебя и потому, что не сознаютъ ужаса своихъ дѣяній, не понимаютъ добра и не знаютъ стыда. Если бы они опохмелились такъ, какъ ты сегодня, и открыли свои духовные глаза, то, можетъ-быть, повѣсились бы на первой осинѣ! Только постоянный хмель, совсѣмъ заглохшая совѣсть и тупое безчувствіе дѣлаютъ ихъ такими. А ты? Сколько получилъ ты?! Доброе сердце, умъ, хорошее дѣло, большое состояніе, честное имя, семью. Все-все, о чемъ другіе мечтать не смѣютъ, и гдѣ все это?! До чего ты дошелъ! Что толкнуло тебя въ эту бездну? Около твоей фабрики кормились сотни людей, и ты всѣхъ ихъ ограбилъ, пустилъ по міру! Ты могъ бы легко давать на благотвореніе 20 — 30 тысячъ въ годъ, не трогая капиталовъ, а ты разъ далъ 5 тысячъ и хлопоталъ за это орденъ себѣ! И гдѣ теперь эти капиталы и *возможность* помогать другимъ?! Да имѣлъ ли ты *право* поступить такъ пошло

и гадко съ деньгами своего отца и дѣда?! Что сказали бы они, вставъ изъ гроба теперь?! А мои родные? Развѣ я ихъ не ограбилъ?! А всѣ мои прежніе и теперешніе знакомые? Кому я помогъ безкорыстно и отъ кого не просилъ вознагражденія, платы даже за одни чувства и расположенія?! А мои связи, увлеченія!»

И онъ истерически зарыдалъ... Опять явилась въ голову мысль о петлѣ, какъ тогда передъ свиданіемъ съ от. Іоанномъ.

— Не могу, не могу,—рвалъ онъ на себѣ волосы, продолжая рыдать.

И тутъ вдругъ его осѣнила мысль:

«А Спаситель, распятый за насъ? А Церковь, прощающая грѣхи? А благословеніе отца Іоанна на новую жизнь?!»

И сердце его забилось такою радостью, что онъ вдругъ сталъ хлопать въ ладоши, прыгать и бѣгомъ пустился къ Ораніенбауму.

И—въ прибылъ въ Кронштадтъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что казался умопомѣшаннымъ. Онъ бѣгалъ по городу, обращался къ прохожимъ со странными вопросами и, спрашивая что-нибудь, тутъже противорѣчилъ самъ себѣ. Видъ у него былъ настолько ненормальный, что многіе сторонились отъ него при встрѣчѣ, а постовые городовые подозрительно осматривали, раздумывая, «не взять ли молодца?» Только войдя въ Андреевскій соборъ, онъ нѣсколько успокоился и опустился на колѣни, между заднихъ колоннъ.

Миражи прошлаго не покидали его. Въ немъ происходила какая-то странная борьба. Онъ какъ бы ощущалъ въ себѣ борьбу двухъ самостоятельныхъ не-

зависимыхъ силъ. Одна сила влекла его въ соборъ, къ лику Спасителя, къ молитвѣ, къ Небу; другая же, напротивъ, рисовала ужасы прошлаго и тянула къ рюмкѣ скорѣе залить, потушить въ винѣ эти миражи, запастись храбростью хмеля, неустрашимостью пьянаго. Ему и въ прошломъ случалось «блажить», т. е. хандрить, и всегда косушка была самымъ радикальнымъ средствомъ; послѣ второй-третьей «банки» все дѣлалось «пустяками» и такъ хорошо, покойно на душѣ!.. Эта-то борьба и заставляла его въ нерѣшительности три часа бѣгать по Кронштадту, спрашивая то кабакъ, то церковь, то отца Іоанна. Почти сверхъестественныхъ усилій стоило ему войти въ соборъ, но и теперь эта борьба не прекратилась. «Брось глупить! Что ты баба какая-нибудь? Что тебѣ здѣсь дѣлать? Не ханжой ли тебѣ сдѣлаться? Иди, хвати стаканчикъ, много полезнѣе»... И онъ вставалъ съ колѣнъ, широко открывалъ глаза и, махнувъ рукой, направлялся къ выходу. Дойдетъ до притвора и слышитъ другой голосъ: «Какъ! Опять назадъ? Къ своимъ?! Къ нищимъ, бродягамъ, пьяницамъ, пропойцамъ, каторжникамъ! Опять въ грязь! Въ притоны! Это съ деньгами-то отца Іоанна?!»

И онъ возвращался въ соборъ на прежнее мѣсто, скорѣе становился на колѣни и закрывалъ глаза... Полжизни онъ охотно отдалъ бы, чтобы забыться, успокоиться въ ту минуту и заглушить борьбу... Голова его горѣла, въ виски точно молотками стучали, сердце щемило... И опять голосъ: «Дуракъ же ты! Точно маленькій! Какъ не стыдно тѣшиться ерундой! Полно! Жилъ себѣ спокойно, въ свое удовольствіе, а теперь вотъ съ ума спятилъ! Совсѣмъ рехнешься!»

И онъ шелъ къ дверямъ, брался за ручку, заносилъ шагъ къ выходу и вдругъ назадъ... Бросается на полъ и крѣпко-крѣпко бьетъ лбомъ о каменную плиту...

Въ церкви не было службы, обѣдня отошла, вечерня еще не начиналась, но молящихся стояло человѣкъ 20-ть. Всѣ были погружены въ себя и не замѣчали И—ва... А онъ, между тѣмъ, съ воспаленными глазами, стиснутыми зубами дико озирался по сторонамъ... Онъ страдалъ, какъ точно у него вытягивали жилы... Смерть въ эту минуту онъ принялъ бы за счастье, искупленіе... Если бы могъ плакать, рыдать, ему было бы легче, но гдѣ взять слезъ? Гдѣ искать облегченія, помощи, избавленія? «Ну, все равно, пойду, пойду, выпью; вѣдь косушкой больше или меньше — разницы никакой; успѣю еще и въ соборъ прійти; грѣшнѣе не буду отъ одной лишней косушки»... Онъ беретъ шапку, чтобы итти—и опять голосъ: «Эта косушка твой смертный приговоръ! Раньше ты пилъ, потому что былъ слѣпъ и ходилъ во тьмѣ, а теперь ты прозрѣлъ, увидѣлъ свѣтъ и пойдешь пить; нѣтъ тебѣ ни возврата ни прощенія! Проклятъ вовѣки вѣковъ!..»

— Господи, буди милостивъ ко мнѣ грѣшному! Боже, помоги, помоги мнѣ,—простоналъ онъ...

Его шопотъ пронесся по храму и заставилъ присутствовавшихъ обернуться... И—въ давилъ себѣ рукой горло; изъ-подъ ногтей выступала кровь...

— Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы,—произнесъ голосъ надъ самымъ ухомъ И—ва. Онъ выпустилъ свое горло и, повернувъ лицо, увидѣлъ рядомъ съ собой отца Іоанна. Кроткій пастырь положилъ ему на плечо руку и сказалъ:

— Плачь, сынъ мой, о грѣхахъ своихъ! Это на пользу тебѣ въ будущемъ. Путь спасенія не усыпанъ розами и тернія много на немъ, но зато сладокъ вѣнецъ!

— Батюшка, силъ моихъ больше нѣтъ,—простоналъ И—въ, падая на колѣни.

— Силъ много *тамъ!* Проси—и дастся тебѣ! Мы немощны, и никто не устоялъ бы противъ врага, но Господь милосердъ. Онъ—заступникъ и помощникъ нашъ! Его именемъ сильны мы! Помолимся вмѣстѣ!

Отецъ Іоаннъ положилъ руку на голову И—ва и сталъ читать молитву. И—въ не слѣдилъ за словами молитвы и даже не понималъ ихъ, но чувствовалъ, что съ каждымъ словомъ въ немъ совершается переворотъ, и утихаетъ борьба, исчезаютъ мучительныя видѣнія, наступаетъ тишина и миръ. Пастырь кончилъ и благословилъ его.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, да дастся тебѣ сила и крѣпость въ борьбѣ съ врагомъ! Да побѣдишь ты его и будешь жить во Христѣ! Силою данной мнѣ власти благословляю тебя!

Все стихло. И—въ поднялся съ колѣнъ. Пастыря не было уже. Но странно: ему казалось, что отецъ Іоаннъ тутъ, и благотворная, удивительная сила его съ нимъ! Что эта за сила, онъ не знаетъ, но переворотъ въ немъ произошелъ чудесный! Такого спокойствія и мира, какъ сейчасъ, онъ не запомнитъ во всю жизнь! Исчезло сразу все, что терзало и мучило его! Смолкли голоса, спорившіе въ немъ. Онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и пошелъ къ выходу.

И—въ черезъ недѣлю исповѣдывался и пріобщился св. Таинъ у отца Іоанна. Призраки прошлаго перестали терзать его душу. Онъ совершенно успокоился, примирился съ жизнью и смотрѣлъ другими глазами на будущее:

— Что я хочу отъ жизни? Какія у меня потребности, стремленія, цѣли? Странно! Все, что мнѣ такъ необходимо, желательно, къ чему я стремлюсь всею душою, оказывается очень доступно, свободно, легко и совсѣмъ-совсѣмъ дешево! А остальное все утратило для меня

значеніе, потеряло интересъ и далеко не составляетъ необходимости.

И—въ разумѣлъ духовную пищу, въ изобиліи и щедрою рукою расточаемую православною Церковью. Никогда въ былые годы оперный спектакль или театральное представленіе не доставляли ему сотой доли того эстетическаго наслажденія, какъ теперь ангельское пѣніе лаврскихъ, монастырскихъ или соборныхъ пѣвчихъ; а вѣдь тогда мѣсто въ театрѣ стоило ему нѣсколько рублей, вызывало порядочные расходы, тогда какъ теперь полное духовное удовлетвореніе не только предлагается даромъ, но поощряется, чуть не навязывается желающимъ. Спокойствіе, духовный миръ и нравственное удовлетвореніе давалось съ такимъ трудомъ, что приходилось поневолѣ замѣнять его физическимъ пресыщеніемъ, заглушать голосъ души. Теперь же И—въ былъ такъ удовлетворенъ нравственно, что почти забывалъ о физическихъ потребностяхъ. Ему было совершенно безразлично, что̀ съѣсть или выпить, во что̀ одѣться, лишь бы только сохранить приличіе, лишь бы кто не показалъ на него пальцемъ и не сказалъ: «Вонъ каковъ послѣдователь кронштадтскаго пастыря». Этого оскорбленія онъ перенести не могъ и съ ужасомъ оберегалъ себя, тогда какъ раньше самая площадная брань по его адресу вызывала въ немъ только смѣхъ и иронію: «Брань на вороту не виснетъ»... Нѣтъ, теперь, какъ приверженецъ отца Іоанна, какъ носитель вѣры православной, онъ не могъ допустить, чтобы его оскорбили; все равно, какъ человѣкъ, имѣющій при себѣ драгоцѣнную ношу, боится ее запачкать, уронить въ грязь, испортить...

«Какъ? Меня, принявшаго вчера св. Дары, назовутъ сегодня негодяемъ и назовутъ заслуженно? Да

вѣдь св. причастіе *во мнѣ*, и съ нимъ вмѣстѣ во мнѣ Самъ Спаситель, и вдругъ я... я... Нѣтъ, нѣтъ, никогда».

И онъ бѣжалъ оттуда, гдѣ собирались люди порочные, чтобы нечаянно его не замѣшали въ эту толпу и не оскорбили въ его лицѣ прообразъ Христа Спасителя. Онъ бѣжалъ отъ всякаго дѣла, не достаточно чистаго, честнаго... Онъ не могъ поступить на службу, какъ ему предлагали, въ трактиръ, гдѣ спаиваютъ посѣтителей; не принялъ онъ мѣста въ нѣсколькихъ лавкахъ, гдѣ обвѣшиваютъ, обманываютъ.

— Не могу я этого дѣлать. Ни за какія тысячи не могу!

— Ну, такъ умирай съ голоду!—говорили ему.

— О, я гораздо охотнѣе умру съ голоду честнымъ человѣкомъ, чѣмъ разбогатѣю мошенникомъ! Я лучше отдамъ послѣднюю копейку ближнему, чѣмъ возьму обманомъ грошъ у богача. Этотъ грошъ лишитъ меня того, что мнѣ теперь дороже всего въ жизни.

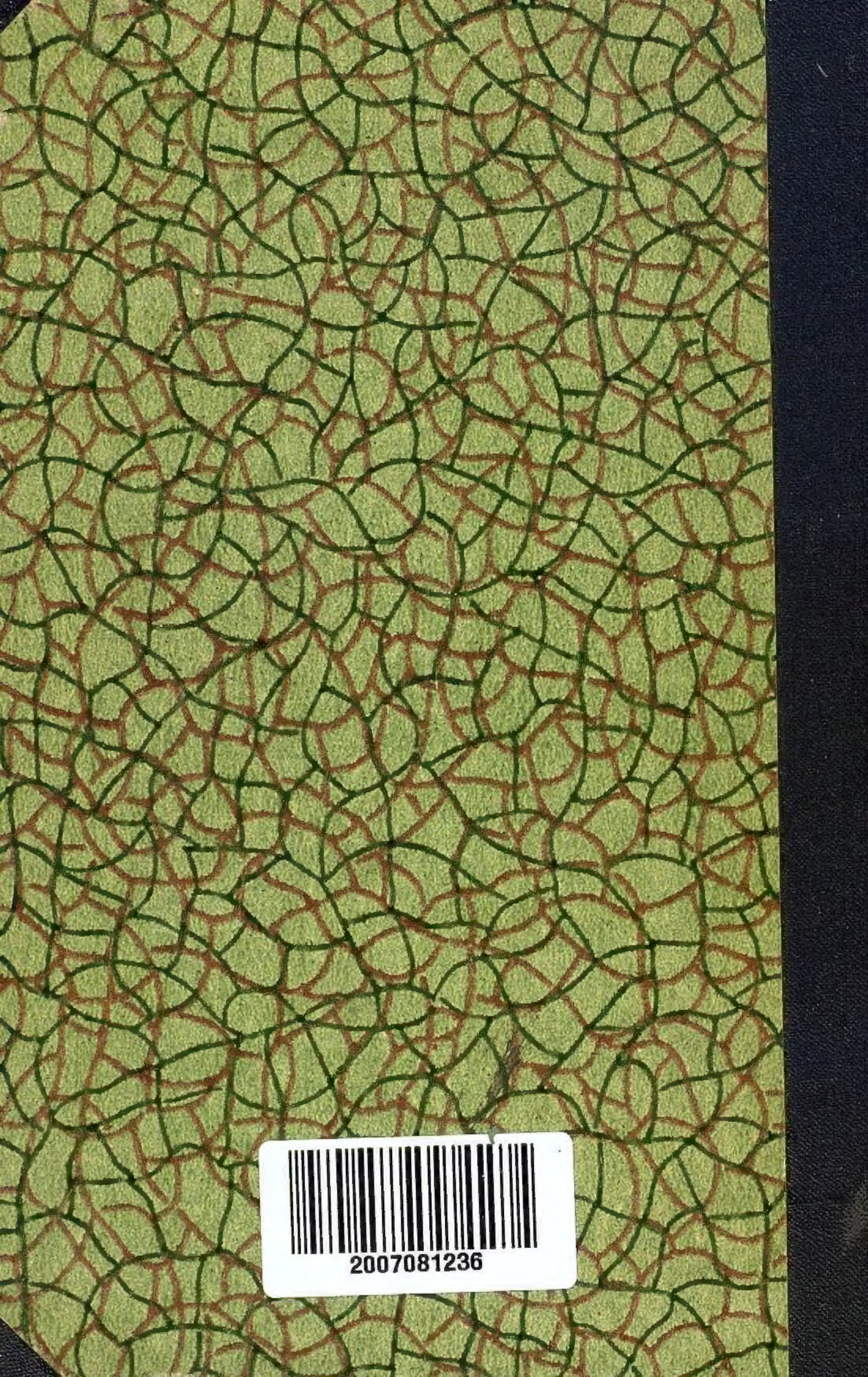
Почти мѣсяцъ И—въ искалъ дѣла, работы, занятія. Онъ въ дѣтствѣ хорошо столярничалъ, плотничалъ и любилъ это занятіе. Онъ рѣшилъ заняться этимъ и пошелъ съ предложеніемъ услугъ по мастерскимъ. За одинъ хлѣбъ и койку его взяли строгать брусья гдѣ-то на Васильевскомъ островѣ. Прошло всего двѣ недѣли, и безъ его даже просьбы хозяинъ положилъ ему маленькое жалованье. Черезъ годъ онъ сдѣлался мастеромъ, а черезъ два—компаньономъ хозяина.

Теперь И—въ владѣетъ домами, капиталомъ и дѣлаетъ крупныя пожертвованія на добрыя дѣла.

Пьянство никогда не манитъ его, и хмельного онъ не беретъ ничего въ ротъ.

Конецъ.

Цѣна 15 коп.


2007081236